

— Мы с музыкантом Юном даже не виделись никогда, да и к тому же последние несколько дней он провел в заточении во внутренних покоях. Как он мог раздобыть доказательства моей вины?

Обдумав всё тысячу раз, Чжао Нэ окончательно успокоился. Быть может, этот музыкант Юн просто тянет время.

— Старик держит свое слово, вот только боюсь, что у музыканта Юна в руках нет абсолютно никаких доказательств, — произнес Чжао Нэ.

— Есть, — Ли Юэбай в упор уставился на Чжао Нэ. — Доказательства у меня имеются.

Присутствующие снова испуганно ахнули.

— Юнь Вэйчжи! Хватит уже темнить! — Император наконец не выдержал. — Где именно находятся улики, о которых ты говоришь?

— Что за улики, простолюдин не ведает, — Ли Юэбай резко развернулся и вытолкнул вперед кронпринца. — Но наследный принц только что сказал, что может их предъявить.

Наследный принц? Все вокруг зашушукались.

Если музыкант Юн обвиняет великого наставника в преступлении — это неповиновение старшим по положению, но если великого наставника обвиняет наследный принц — это хозяин отчитывает слугу, все логично и справедливо.

— Принц? — сомневающийся взгляд императора обратился к собственному сыну. — У тебя есть доказательства вины великого наставника?

— Да, — кивнул Мужун Нань.

— Где они?

— Прямо здесь, — Мужун Нань повернулся к Шань Хуэй.

— ...Ты... Что вообще имеет в виду наследный принц?! — Макияж на лице Шань Хуэй давно размазался, а волосы растрепались и падали на плечи.

— Доказательства вины Чжао Нэ скрыты в словах Шань Хуэй, — ответил Мужун Нань.

— Я сказала столько всего, кто сможет упомянуть, в какой именно фразе! — усмехнулась Шань

Хуэй.

— Шань Хуэй как-то обмолвилась, что видела меня в кабинете императора: на мне была белая нижняя сорочка, а у ворота виднелся красный след, — Мужун Нань говорил несколько беспечно.

— Точно, она ведь и правда только что это сказала! — не смея своевольничать, придворные принялись подтверждать его слова.

Услышав это, император вдруг зашелся в яростном кашле, вызвав переполох среди евнухов и слуг: те суетились, подавая платки, чашки с чаем и похлопывая его по спине.

— Ну и что с того? — усмехнулась Шань Хуэй. — Я уже признала, что напрасно возвела наговор на наследного принца. Неужели Его Высочество не желает простить меня?

— Я был в кабинете императора только вчера, и только вчера надевал ту белую сорочку — ну, еще сегодня, но она надета под черные одежды, ее никто не видит, — с улыбкой произнес Мужун Нань. — Отец может это подтвердить.

— Верно, — лицо императора сделалось еще более мрачным, словно ему указали на нечто неблагоприятное.

— Позавчера Шань Хуэй заперли во Дворе Возвращения Сердца, ей запрещено выходить наружу, а посторонним строго-настрого запрещено входить внутрь, — продолжал Мужун Нань. — Так откуда же ты узнала... как я выглядел вчера в императорском кабинете?

— Шань Хуэй, откуда тебе это ведомо? — уставший император задал вопрос лично.

На самом деле, во время предыдущих расспросов император уже слышал эти слова от Шань Хуэй, но тогда он был целиком поглощен размышлениями о том, виновны ли Императрица и наследный принц, и упустил из виду столь явный огрех в ее речи.

— Неужели кто-то тайком прокрался во Двор Возвращения Сердца и поведал тебе о моем наряде? — слова Мужун Наня разили точно отточенные клинки.

— Вчера ближе к вечеру несколько наложниц со служанками прогуливались и проходили мимо Двора Возвращения Сердца, — Шань Хуэй до боли закусила серебристые зубы. — Они носили закуску в кабинет императора, видели наследного принца и знали, во что он одет. Они шли, болтали и смеялись об этом между собой, а я услышала!

Чжао Нэ мысленно кивнул.

И впрямь, вчера, когда Чжао Нэ направлялся в кабинет императора, он собственными ушами слышал, как государь обмолвился: «Чажун Сюй и другие наложницы тоже заходили засвидетельствовать почтение, видели наследного принца и оставили несколько коробочек с лакомствами».

А прогуливающиеся наложницы неизбежно должны были проходить мимо ворот Двора Возвращения Сердца.

Объяснение Шань Хуэй звучало вполне убедительно, чтобы сгладить углы.

Даже если наложницы станут всё отрицать, это можно будет объяснить тем, что они за спиной тайком судачили о принце и просто не смеют в этом признаться.

— Вы попались на удочку, — тихонько усмехнулся Мужун Нань.

— Что? — Шань Хуэй снова широко распахнула глаза.

— Вы попались, — повторил Мужун Нань. — Вчера в императорский кабинет ко мне заходил только один человек — Чжао Нэ.

Раздался оглушительный грохот: четки из рук Чжао Нэ выпали на пол и разлетелись вдребезги!

— Позвольте спросить великого наставника Чжао, какое наказание положено за тайное проникновение во внутренние покои дворца, свидание с опальной наложницей и обсуждение заговорщических планов? — Голос Мужун Наня был негромким, но каждое слово вонзалось в сердца людей змеиными клыками.

— Я, я не признаю этого! Великий наставник Чжао ничего мне не рассказывал! — Шань Хуэй едва не впала в безумие. — Я всё сама угадала!

— Поздно, — произнес Мужун Нань. — Только что ты раскрыла свой последний козырь. Ты сказала: несколько наложниц приходили в кабинет императора относить закуски.

— ...

— А фразу о том, что [несколько наложниц приходили в кабинет императора относить закуски], император-отец сказал только одному Чжао Нэ.

Император изначально не питал никаких подозрений к великому наставнику, но наследный принц предостерег его: мол, великий наставник Чжао приходится Шань Лань законным мужем, так что доля сомнений всё же есть, и государю стоило бы его испытать — например, бросить

ему подобную ложь, дабы посмотреть, клюнет ли тот на наживку.

В последнее время отношения императора с наследным принцем улучшились, и он охотно последовал этому совету, будучи свято уверен, что праведный в своих поступках великий наставник ни за что не попадется на такую удочку.

Кто бы мог подумать, что слова наследного принца окажутся пророческими.

Конечно, всё это было задумкой Ли Юэбая.

Лицо Шань Хуэй побелело как мел.

— Прошлой ночью великий наставник Чжао лично явился во Двор Возвращения Сердца на свидание с Шань Хуэй, — продолжал Мужун Нань. — Если кто-то считает улики недостаточными, можно допросить стражу Двора Возвращения Сердца, тогда отвертеться и вовсе не удастся.

Потерявшая рассудок Шань Хуэй плашмя упала на землю, одновременно рыдая и смеясь.

В поле зрения в правом нижнем углу замигал красный таймер и с грохотом рассыпался на осколки!

— Поздравляем, вы успешно уничтожили всех врагов, первое перемещение пройдено! — радостно подпрыгнула Система, сопровождая слова фоновой музыкой, неизвестно откуда добытой: — Вы покинете мир Падающие цветы в Шанцзине через три часа. Пожалуйста, пристегните ремни, захватите полотенца и не паникуйте. После вашего ухода первоначальный хозяин вернется в свое тело.

Как нельзя лучше.

Страницы оригинального романа зашелестели, и строчки текста на них полностью изменились.

— ...Чжао Нэ и сестры Шань понесли заслуженное наказание, Императрица живет в спокойствии и отрешенности, годы спустя император скончался, наследный принц взошел на престол, в стране царит мир и порядок... Ходили также слухи, будто на престол взошел вовсе не наследный принц, а он сам, прихватив с собой музыканта, удалился на покой в горы Нинчжоу.

Для читателей подобные пассажи показались бы скучноватыми, но для персонажей, которым грозила гибель, это настоящее чудо жизни!

В запасе оставалось три драгоценных часа, и Ли Юэбай понятия не имел, чем заняться. Он

лишь прогулялся по Дворцу Юаньхэн, чтобы как следует попрощаться с наследным принцем.

— Откуда ты всё это знал? — спросил Мужун Нань.

Да потому что у меня есть чит! — мысленно усмехнулся Ли Юэбай. Если сравнивать его с другими главными героями сетевых романов со Золотыми пальцами, то в плане читов он сильно проигрывал: у него даже суперспособностей не было. Зато в самом начале перемещения он знал, кто главный враг, знал сюжет оригинала, да вдобавок получил в подарок смертельный таймер... На первый взгляд всё это казалось обычным, но в сочетании с его собственным умом делало его непобедимым.

— С того самого раза, когда ты отказался пить лекарство и силой влил его мне, я понял, что что-то не так, — Ли Юэбай до сих пор заливался краской, вспоминая ту первую пиалу с отравой. — Если приглядеться, выражение лица Дин Сяня было странным: когда он подавал лекарство тебе, он сильно нервничал, а когда его выпил я, его взгляд стал сложным...

Когда Ли Юэбай только осушил пиалу с отравой, он действительно подозревал, что Мужун Нань подсыпал ее намеренно.

Но присмотревшись повнимательнее, он понял, что Мужун Нань и впрямь испытывает к Юнь Вэйчжи самые искренние чувства! Целыми днями он вот так сидел и молча смотрел на него взглядом, полным охраннического инстинкта, и уж точно не стал бы травить его, чтобы силой принудить к близости.

— Всё, что я делал — это лишь [отбивал удары по мере их поступления] да [выманивал змею из норы], — произнес Ли Юэбай. — Разве что падение в ледяное озеро было чистой случайностью. Если бы мы не нашли остатки лекарства на одежде Дин Сяня, улик у нас стало бы на одну меньше. Как подумаю об этом, до сих пор мороз по коже.

— Мне тоже страшно, — тоскливо глядя на него, промолвил Мужун Нань. — Хорошо, что ты не утонул.

Утонул? Да как такое возможно, Учитель Бай не так-то просто отправляется на тот свет.

Всего за семь дней Ли Юэбай словно наяву посмотрел — нет, сам сыграл в масштабной придворной драме жанра даньмэй, да так прочувствованно, что чуть не расплакался.

История Мужун Наня и Юнь Вэйчжи выдалась поистине неплохой, жаль только, что он сам — не Юнь Вэйчжи... Стоп? С какой стати ему жалеть об этом? Он же вовсе не любит Мужун Наня.

Ли Юэбай чувствовал, что выполнил свой долг сполна. Пусть он и не мог вести себя с Мужун Нань так же нежно и привычно, как прежний хозяин тела, пусть время от времени избегал его — но по крайней мере, он не испортил эти отношения! Когда он уйдет и вернется настоящий

Юнь Вэйчжи, они смогут продолжить всё с того же места.

Успешно выступив в роли свахи впервые в жизни, Учитель Бай испытал величайшее чувство гордости.

— Эй, братишка, прости меня, в последнее время я мог вести себя странно, совсем не так, как раньше. Но завтра всё придет в норму, — Ли Юэбай в хорошем настроении хлопнул Мужун Наня по плечу. — К тому же, я, пожалуй, случайно хлебнул Порошка Забвения, так что к завтрашнему дню ничего не вспомню. Можешь пересказать всё моему завтрашнему «я».

— М-м, — Мужун Нань тоскливо смотрел на него, и во взгляде его читалась легкая нотка сожаления.

Не надо делать такое лицо! Разве ты не зловецкий и властный юный президент-тиран?

— Ты — это он, и в то же время не он, — помолчав, прошептал Мужун Нань, склонившись к самому уху Ли Юэбая.

Ли Юэбай оцепенел с головы до ног — даже сильнее, чем когда угодил в ледяное озеро.

Его раскусили!

Конец, всё кончено, тайна раскрыта.

Если подумать, он ведь все эти дни только и делал, что куролесил, строил планы да занимался дедукцией, выставив истинную натуру напоказ — разве в нем хоть что-то осталось от Юнь Вэйчжи? Было бы странно, если бы его не признали.

К счастью, время истекло.

Ли Юэбай потянулся и с улыбкой посмотрел на Мужун Наня:

— Не бойся, он вернется.

Мужун Нань вовсе не собирался отстраняться от его уха и лишь отчетливо, по слогам, выговорил четыре слова:

— Мы непременно встретимся вновь.

— Да, обязательно встретимся, — улыбаясь, Ли Юэбай взъерошил ему волосы.

По правде говоря, зачем ему вообще говорить о новой встрече? Ведь его Юнь Вэйчжи вернется буквально сию минуту!

Перед глазами вспыхнула белая вспышка, и весь мир рассыпался на части.

Ли Юэбай почувствовал, что его тело невесомо парит, в голове сильно кружилось.

Неизвестно, сколько времени длилось это парение, но когда он вновь открыл глаза, перед ним предстала комната.

Белоснежная комната без какой-либо мебели, явно в межпространственном кармане — лишь на одной из голых стен висело зеркало во весь рост.

Ли Юэбай встал перед зеркалом и окинул взглядом собственную царственную особу.

В точности как в тот день, когда он сражался с вооруженным ножом бандитом: белая рубашка, черные брюки, лицо чистое, ни малейшего намека на потрепанность человека, рухнувшего головой вниз в общественный туалет.

Только на левом запястье прибавился обруч.

Чуть больше обычного браслета, цвета лунного света, очень красивый, хотя и непонятно, для чего нужный.

— Да ни для чего, чисто декор, чтобы повесить твою узнаваемость, — любезно пояснила Система.

— Вы что, так и не сообразовали выдать мне хоть какой-нибудь чит? — в глубокой тоске спросил Ли Юэбай.

— Ваш собственный ум — лучший чит, — польстила Система.

## 16. Охотник на вампиров (1)

— Эй, парень, ты веришь, что на свете существуют вампиры? — Ли Юэбай с треском разломил пару одноразовых палочек для еды и через пластиковый столик обратился к сидящему напротив юноше.

Тот остался к этому равнодушен — его бесстрастное масочное лицо не дрогнуло ни единым мускулом, и он даже не удосужился ответить хоть словом.

Дело происходило у уличного лотка с едой образца 2016 года: всюду сновали люди в майках и шортах, уплетающие шашлычки на шпажках, время от времени проезжали электроскутеры доставки еды и курьеров, а красивые девушки в шортах и обуви на толстой подошве шли шагом, держа в руках бумажные пиалы и перекусывая на ходу. За соседним столиком какой-то браток с массивной золотой цепью на шее вовсю орал в широкоэкранный отечественный смартфон, увлеченно кому-то что-то доказывая. У входа в закусочную стоял телевизор, транслирующий футбольный матч... Стояло такое оживленное, до боли приземленное столпотворение.

Когда Система закинула Ли Юэбая сюда, прежний владелец тела как раз закончил произносить ту самую фразу:

Веришь ли ты, что на свете существуют вампиры?

Не верю! — Ли Юэбай был готов ответить за сидящего напротив парня.

Этот мир со всех сторон выглядел точь-в-точь как его собственная реальность, где он работал учителем. Будучи убежденным материалистом, он никак не мог поверить в существование вампиров. Романы, фильмы, сериалы, аниме про упырей... полно на каждом шагу, они дают широким массам неисчерпаемый простор для фантазий и веселья.

Сидевший напротив юноша внешне немного напоминал Мужун Наня из прошлого перемещения: молодой, красивый, с налетом мрачности и темными кругами под глазами. Вот только одет он был по-модерновому, в сдержанном стиле, с сильной внутренней харизмой — как ни посмотри, совсем не тот человек, что станет обедать в подобном месте.

В таком возрасте — и с такой аурой...

В прошлом перемещении Мужун Нань оказался представителем элитной династии «N-го поколения», и вот теперь — снова богатенький наследник. Учитель Бай чувствовал себя смертельно уставшим.

Система постепенно просыпалась, и в голове понемногу всплывали досье на юношу.

Этого молодого человека звали Е Цин, ему был 21 год, он происходил из семьи богачей в третьем поколении, окончил престижную элитную школу, а работал... полицейским. В городском управлении общественной безопасности, причем оперативником в убийном отделе на передовой.

Зачем, имея возможность жить спокойно и роскошно, добровольно лезть на рожон и рисковать жизнью?

Досье прокручивалось дальше: Е Цин обладает особой конституцией, чем-то похожей на



депрессивное состояние — он утратил интерес к миру и к жизни, ему трудно испытывать радость, даже страх и прочие эмоции посещают его крайне редко, именно поэтому он и выбрал такую профессию, пытаясь отыскать хоть какой-то смысл своего существования.

Понятно. Ли Юэбай мгновенно всё уразумел.

Хотя сам он не страдал депрессией, временами на него тоже нападала хандра, и он читал в интернете много научно-популярных материалов на эту тему, составив общее представление: депрессия — это физиологическое заболевание, больной не способен радоваться жизни, жить ему тяжело и мучительно, а процент самоубийств крайне высок.

Если человек вроде Е Цина идет в оперативники и целыми днями крутится в водовороте расследований, пусть это и сопряжено с риском для жизни, но всяко лучше, чем изо дня в день сидеть сиднем и вести борьбу со своим недугом. Как только внешние опасные раздражители усиливаются, внутреннее желание покончить с собой, напротив, становится уже не столь острым.

Разобравшись с собеседником, стоило взглянуть и на себя самого.

Ли Юэбай машинально взял со столика смартфон и посветил на собственное лицо.

Угу, вполне предсказуемо — всё тот же писанный красавец с высоким лицом, вот только выражение свирепое, между бровей залегли морщины от гнева, волосы чуть длинноваты, а в мочках ушей поблескивают миниатюрные серебряные гвоздики. Ростом он был высок, и когда только что разламывал те одноразовые палочки, руки его двигались уверенно и твердо, так что на разломе не осталось ни единой занозы.

Прежнего хозяина звали Гу Сиша, ему было 28 лет, и, как и Е Цин, он служил в городском управлении полиции. В органах он состоял уже не первый год, а потому, когда Е Цин только пришел на службу, именно Гу Сиша брал его под свое крыло — можно сказать, они состояли в отношениях наставника и ученика.

Ли Юэбай помнил, что в полиции существовал строгий запрет на проколотые уши и ношение серег... Каким же образом Гу Сиша ухитрился обходить это правило?

— Сиша, — Е Цин даже не шевельнулся со своим бесстрастным лицом, лишь приподнял веки.  
— Куда ты запропастился на те несколько дней, что тебя отстраняли от службы?

Отстраняли?

Вот почему он смело носил серьги — оказывается, он уже не полицейский...

Досье Гу Сиша тоже быстро подгрузилось: вырос в простой семье, родители погибли от рук

преступников, из-за чего он люто ненавидел всякое зло. Нрав крутой, способности выдающиеся, опыт богатейший, боевые навыки запредельные — настоящий костяк городского управления... К сожалению, неделю назад во время внезапной облавы он потерял контроль над собой и пристрелил уже сдавшегося преступника, за что его и уволили из полиции.

— Мелкий сорванец, не видались всего пару дней, а наставника уже и по имени величаешь? — Ли Юэбай напустил на себя суровый вид и отчитал Е Цина: — Наставник эти дни ел когда хотел, спал сколько хотел, жил в свое удовольствие — не то что ты, пашешь с утра до ночи, как проклятый.

— С чего это ты вдруг заговорил о вампирах? — поинтересовался Е Цин.

— Приснились прошлой ночью, вот к слову и пришлось, — холодно и отстраненно бросил Ли Юэбай.

Вчера лишившийся работы Гу Сиша видел в новостях по телевизору и в газетах репортаж о жутком преступлении в соседней провинции: двое компаньонов вели совместный бизнес, и в их собственной лавке стряслась беда — один убит, второй пропал без вести, а полиция по итогам предварительного следствия решила, что убийца — именно исчезнувший.

Но в этом деле была одна поразительная деталь — тело погибшего осталось целым и невредимым, однако из него была полностью выпита вся кровь!

На месте преступления не нашли никаких инструментов, способных сотворить подобное, да и человек просто не способен обладать столькими силами. Единственное возможное объяснение заключалось в том, что... здесь замешан вампир.

Конечно, Гу Сиша лишь смутно подозревал это про себя, но поскольку расследованием не занимался, делать поспешных выводов не стал.

— Какое совпадение, — бесстрастно произнес Е Цин. — Мне они прошлой ночью тоже приснились.

— Я еще даже не успел рассказать, что именно мне приснилось, а ты с какого перепугу говорим «тоже»? — поддразнил его Ли Юэбай.

— Единственное, из-за чего наставник не может спокойно спать по ночам — это то самое дело в соседней провинции, — рассудил Е Цин. — Преступление такого рода невозможно объяснить с точки зрения здравого смысла, кроме как проделками вампира. Но профессиональная этика наставника не позволяет ему произносить подобное вслух, вот всё и выплеснулось во сне.

Этот ученик, Е Цин — пусть и с каменным лицом, черствый и к тому же бесяче богатый молодой человек, — к своему наставнику относился неплохо и, по крайней мере, с полувзгляда

угадывал его мысли.

— Не зря ты мой ученик, — согласился Ли Юэбай. — Жалко только, что это дело не в твоей юрисдикции, и тем более не в моей...

— Жалеешь? — Е Цин вдруг в упор посмотрел Ли Юэбаю в глаза. — О том парне... Жалеешь, что убил его?

— Нет, ни капли, — лицо Ли Юэбая помрачнело.

Оба они прекрасно понимали, о чем идет речь, и стоило лишь намекнуть, как всё становилось ясно.

Преступника, которого Гу Сиша застрелил на прошлой неделе, звали Гао Чэньюй.

Гао Чэньюй в свои молодые годы успел прослыть в городе преуспевающим человеком. Он вкладывался в недвижимость, умел находить нужныеходы, имел связи как в криминальном мире, так и среди чиновников, а дела вел с изрядной долей авантюризма и игровым задором. Счастливые стечение обстоятельств в сочетании с удачей действительно принесли ему успех — еще не достигнув тридцати, он владел активами, превышающими сотню миллионов.

Однако за фасадом успешного человека и светского льва скрывалась куда более мрачная сторона — Гао Чэньюй был не только педофилом, но еще и педофилом с ярко выраженными садистскими наклонностями.

В прошлом году в городе прокатилась волна загадочных исчезновений подростков: пропадали в основном мальчики и девочки лет четырнадцати, а в числе жертв числились даже десятилетний мальчик и семилетняя девочка.

Позже их тела стали находить по частям: расчлененные, сваренные при высокой температуре и упакованные по черным полиэтиленовым пакетам, разбросанным по всему городу. Преступник действовал настолько чисто, а сокрытие тел было столь искусно спланировано, что ни отпечатков пальцев, ни биоматериалов, ни волос обнаружить не удавалось.

Управление полиции неустанно вело поиски, но зацепки неизменно обрывались в самый критический момент.

Гу Сиша уперся роком, копал под это дело целый год и наконец раздобыл неопровержимые доказательства вины Гао Чэньюя. Однако, когда он явился с отрядом для задержания, Гао Чэньюй даже не думал оказывать сопротивление — он лишь с улыбкой ответил: «Капитан Гу, сорок восемь часов. Максимум через сорок восемь часов я выйду на свободу».